

**З**а горами, за лесами,  
За широкими морями,  
Не на небе — на земле  
Жил старик в одном селе.  
У крестьянина три сына:  
Старший умный был детина,  
Средний сын и так и сяк,  
Младший вовсе был дурак.



Братья сеяли пшеницу  
Да возили в град-столицу:  
Знать, столица та была  
Недалече от села.  
Там пшеницу продавали,  
Деньги счётом принимали  
И с набитою сумой  
Возвращались домой.


**В** долгом времени аль вскоре  
Приключилося им горе:  
Кто-то в поле стал ходить  
И пшеницу шевелить.  
Мужички такой печали  
Отродяся не видали;  
Стали думать да гадать —  
Как бы вора соглядать<sup>1</sup>.  
Наконец себе смекнули,












Чтоб стоять на карауле,  
Хлеб ночами поберечь,  
Злого вора подстеречь.

**В**от, как стало лишь смеркаться,  
Начал старший брат собираться,  
Вынул вилы и топор  
И отправился в дозор.  
Ночь ненастная настала;  
На него боязнь напала,  
И со страхов наш мужик  
Закопался под сенник.  
Ночь проходит, день приходит;  
С сенника дозорный сходит  
И, облив себя водой,  
Стал стучаться под избой:  
«Эй вы, сонные тетери!  
Отпирайте брату двери,  
Под дождём я весь промок  
С головы до самых ног».





Братья двери отворили,  
Караульщика впустили,  
Стали спрашивать его:  
Не видал ли он чего?  
Караульщик помолился,  
Вправо, влево поклонился  
И, прокашлявшись, сказал:  
«Всю я ноченьку не спал;  
На моё ж притом несчастье,  
Было страшное ненастье:  
Дождь вот так ливмя и лил,  
Рубашонку всю смочил.  
Уж куда как было скучно!..  
Впрочем, всё благополучно».  
Похвалил его отец:  
«Ты, Данило, молодец!  
Ты вот, так сказать, примерно,  
Сослужил мне службу верно,  
То есть, будучи при всём,  
Не ударил в грязь лицом».



Стало сизнова смеркаться;  
Средний брат пошёл собирать.  
Взял и вилы и топор  
И отправился в дозор.  
Ночь холодная настала,  
Дрожь на малого напала,  
Зубы начали плясать;  
Он ударился бежать —  
И всю ночь ходил дозором  
У соседки под забором.  
Жутко было молодцу!  
Но вот утро. Он к крыльцу:  
«Эй вы, сони! Что вы спите!  
Брату двери отойдите;  
Ночью страшный был мороз,  
До животиков промёрз».  
Братья двери отворили,  
Караульщика впустили,  
Стали спрашивать его:  
Не видал ли он чего?  
Караульщик помолился,  
Вправо, влево поклонился  
И сквозь зубы отвечал:  
«Всю я ноченьку не спал,  
Да, к моей судьбе несчастной,  
Ночью холод был ужасный,  
До сердец меня пробрал;  
Всю я ночь проскакал;  
Слишком было несподручно...  
Впрочем, всё благополучно».  
И ему сказал отец:  
«Ты, Гаврило, молодец!»

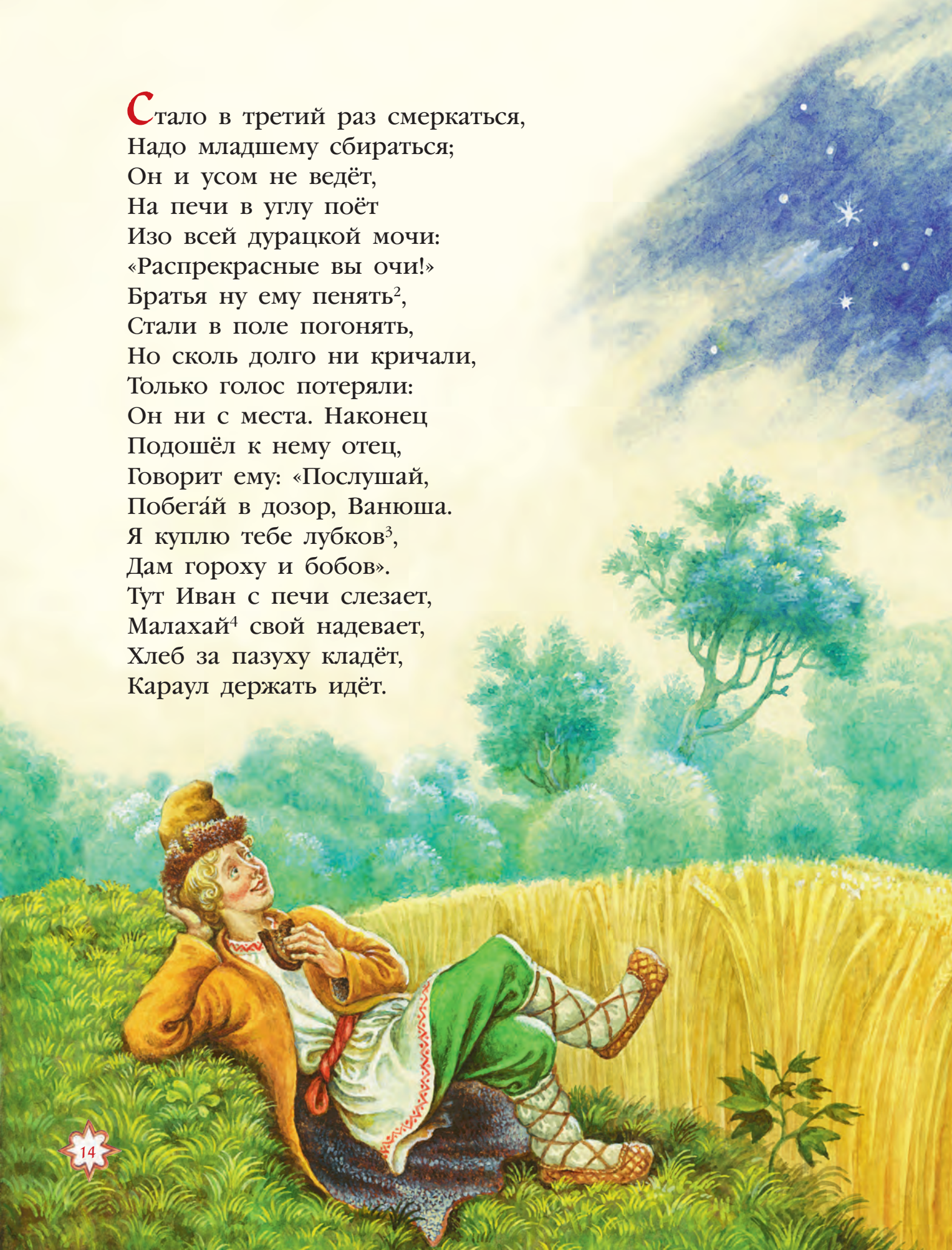









Стало в третий раз смеркаться,  
Надо младшему собираться;  
Он и усом не ведёт,  
На печи в углу поёт  
Изо всей дурацкой мочи:  
«Распрекрасные вы очи!»  
Братья ну ему пенять<sup>2</sup>,  
Стали в поле погонять,  
Но сколь долго ни кричали,  
Только голос потеряли:  
Он ни с места. Наконец  
Подошёл к нему отец,  
Говорит ему: «Послушай,  
Побегай в дозор, Ванюша.  
Я куплю тебе лубков<sup>3</sup>,  
Дам гороху и бобов».  
Тут Иван с печи слезает,  
Малахай<sup>4</sup> свой надевает,  
Хлеб за пазуху кладёт,  
Караул держать идёт.








**Н**очь настала; месяц всходит:  
Поле всё Иван обходит,  
Озираючись кругом,  
И садится под кустом:  
Звёзды на небе считает  
Да краюшку уплетает.  
Вдруг о полночь конь заржал...  
Караульщик наш привстал,  
Посмотрел под рукавицу  
И увидел кобылицу.  
Кобылица та была  
Вся, как зимний снег, бела,  
Грива — в землю, золотая,  
В мелки кольца завитая.  
«Эхе-хе! Так вот какой  
Наш воришко!.. Но, постой,  
Я шутить ведь не умею,  
Разом сяду те на шею.





Вишь, какая саранча!»  
И, минуто улуча,  
К кобылице подбегает,  
За волнистый хвост хватает  
И садится на хребёт —  
Только задом наперёд.  
Кобылица молодая,  
Очью<sup>5</sup> бешено сверкая,  
Змеем голову свила  
И пустилась, как стрела.  
Вьётся кругом над полями,  
Виснет пластью<sup>6</sup> надо рвами,  
Мчится скоком по горам,  
Ходит дыбом по лесам,  
Хочет силой аль обманом —  
Лишь бы справиться с Иваном.  
Но Иван и сам не прост —  
Крепко держится за хвост.

**Н**аконец она устала.  
«Ну, Иван, — ему сказала, —  
Коль умел ты усидеть,  
Так тебе мной и владеть.  
Дай мне место для покою  
Да ухаживай за мною  
Сколько смыслишь. Да смотри,  
По три утренни зари  
Выпускай меня на волю  
Погулять по чисту полю.  
По исходе же трёх дней  
Двух рожу тебе коней —  
Да таких, каких поныне  
Не бывало и в помине;  
Да ещё рожу конька







Ростом только в три вершка,  
На спине с двумя горбами  
Да с аршинными ушами.  
Двух коней, коль хошь, продай,  
Но конька не отдавай  
Ни за пояс, ни за шапку,  
Ни за чёрную, слышь, бабку.  
На земле и под землёй  
Он товарищ будет твой;  
Он зимой тебя согреет,  
Летом холодом обвеет;  
В голод хлебом угостит,  
В жажду мёдом напоит.  
Я же снова выйду в поле  
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван  
И в пастуший балаган<sup>7</sup>  
Кобылицу загоняет,  
Дверь рогожей закрывает  
И, лишь только рассвело,  
Отправляется в село,  
Напевая громко песню:  
«Ходил молодец на Пресню».

**В**от он всходит на крыльцо,  
Вот хватает за кольцо,  
Что есть силы в дверь стучится,  
Чуть что кровля не валится,  
И кричит на весь базар,  
Словно сделался пожар.  
Братья с лавок поскакали,  
Заикаясь вскричали:







«Кто стучится сильно так?» —  
«Это я, Иван-дурак!»  
Братья двери отворили,  
Дурака в избу впустили  
И давай его ругать —  
Как он смел их так пугать!  
А Иван наш, не снимая  
Ни лаптей, ни малахая,  
Отправляется на печь  
И ведёт оттуда речь  
Про ночное похождение,  
Всем ушам на удивленье:  
«Всю я ноченьку не спал,  
Звёзды на́ небе считал;  
Месяц, ровно, тоже свётил, —  
Я порядком не приметил.  
Вдруг приходит дьявол сам,  
С бороною и с усам;  
Рожа словно как у кошки,  
А глаза-то что те плоски!  
Вот и стал тот чёрт скакать  
И зерно хвостом сбивать.  
Я шутить ведь не умею —  
И вскочи ему на шею.  
Уж таскал же он, таскал,  
Чуть башки мне не сломал,  
Но и я ведь сам не промах,  
Слышь, держал его как в жóмах<sup>8</sup>.  
Бился, бился мой хитрец  
И взмолился наконец:  
«Не губи меня со света!  
Целый год тебе за это  
Обещаюсь смирно жить,  
Православных не мутить».



Я, слышь, слов-то не померил,  
Да чертёнку и поверил».  
Тут рассказчик замолчал,  
Позевнул и задремал.  
Братья, сколько ни серчали,  
Не смогли — захохотали,  
Ухватившись под бока,  
Над рассказом дурака.  
Сам старик не мог сдержаться,  
Чтоб до слёз не посмеяться,  
Хоть смеяться, так оно  
Старикам уж и грешно.

**М**ного ль времени аль мало  
С этой ночи пробежало,  
Я про это ничего  
Не слышал ни от кого.  
Ну, да что нам в том за дело,  
Год ли, два ли пролетело, —  
Ведь за ними не бежать...  
Станем сказку продолжать.

**Н**у-с, так вот что! Раз Данило  
(В праздник, помнится, то было),  
Натянувшись зельно<sup>9</sup> пьян,  
Затащился в балаган.  
Что ж он видит? — Прекрасивых  
Двух коней золотогривых  
Да игрушечку-конька  
Ростом только в три вершка,  
На спине с двумя горбами










Да с аршинными ушами.  
«Хм! Теперь-то я узнал,  
Для чего здесь дурень спал!» —  
Говорит себе Данило.  
Чудо разом хмель посбило.  
Вот Данило в дом бежит  
И Гавриле говорит:  
«Посмотри, каких красивых  
Двух коней золотогривых  
Наш дурак себе достал:  
Ты и слыхом не слыхал».  
И Данило да Гаврило,  
Что в ногах их мочи было,  
По крапиве прямиком  
Так и дуют босиком.

**С**потыкнувшись три раза,  
Починивши оба глаза,  
Потирая здесь и там,  
Входят братья к двум коням.  
Кони ржали и храпели,  
Очи яхонтом горели;  
В мелки кольца завитой,  
Хвост струился золотой,  
И алмазные копыты  
Крупным жемчугом обиты.  
Любо-дорого смотреть!  
Лишь царю б на них сидеть.  
Братья так на них смотрели,







Что чуть-чуть не окривели.  
«Где он это их достал? —  
Старший среднему сказал. —  
Но давно уж речь ведётся,  
Что лишь дурням клад даётся,  
Ты ж хоть лоб себе разбей,  
Так не выбьешь двух рублей.  
Ну, Гаврило, в ту седмицу<sup>10</sup>  
Отведём-ка их в столицу;  
Там боярам продадим,  
Деньги ровно поделим.  
А с деньжонками, сам знаешь,  
И попьёшь и погуляешь,  
Только хлопни по мешку.  
А благому дураку  
Недостанет ведь догадки,  
Где гостят его лошадки;  
Пусть их ищет там и сям.  
Ну, приятель, по рукам!»  
Братья разом согласились,  
Обнялись, перекрестились  
И вернулись домой,  
Говоря промеж собой  
Про коней и про пирушку  
И про чүдную зверушку.





**В**ремя катит чередом,  
Час за часом, день за днём.  
И на первую седмицу  
Братья едут в град-столицу,  
Чтоб товар свой там продать  
И на пристани узнать,  
Не пришли ли с кораблями  
Немцы в город за холстами  
И нейдёт ли царь Салтан  
Басурманить христиан.  
Вот иконам помолились,  
У отца благословились,  
Взяли двух коней тайком  
И отправились тишком.

**В**ечер к ночи пробирался;  
На ночлег Иван собрался;  
Вдоль по улице идёт,  
Ест краюшку да поёт.  
Вот он поля достигает,  
Руки в боки подпирает  
И с прискочкой, словно пан,  
Боком входит в балаган.

**В**сё по-прежнему стояло,  
Но коней как не бывало;  
Лишь игрушка-горбунок  
У его вертелся ног,  
Хлопал с радости ушами  
Да приплясывал ногами.  
Как завоет тут Иван,  
Опершись о балаган:  
«Ой вы, кони буры-сивы,  
Добры кони златогривы!»